

**Елена
Паленова**

Наследница

18+

Сверхъестественное

Елена Паленова

Наследница

«Автор»

2022

Паленова Е.

Наследница / Е. Паленова — «Автор»,
2022 — (Сверхъестественное)

Осиротевшая после смерти матери семилетняя Диана Сивкова мечтает только об одном - вернуть своих родителей. В наследство от матери она получила квартиру и пока ещё скрытый дар исцелять болезни, но девочка не знает, насколько на самом деле велико семейное наследие, и на что ради обладания им способны пойти взрослые. Начавшаяся после похорон Антонины Сивковой череда странных происшествий и смертей - это только верхушка айсберга. Для того, чтобы разобраться в происходящем и спасти маленькую, наивную наследницу от коварных планов безжалостных людей, многим предстоит поверить в то, во что верится с трудом.

© Паленова Е., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Елена Паленова

Наследница

Пролог

Для похорон день выдался слишком солнечным. Всю предыдущую неделю по карнизам и оконным стёклам непрерывно стучал дождь, и Диана думала, что это небеса оплакивают её несчастную мамочку, медленно умирающую в соседней комнате. Да и потом, когда в квартиру принесли большой гроб, от которого пахло свежей древесины, на улице тоже было пасмурно. И только в печальный день погребения тяжёлые тучи вдруг расползлись в стороны, позволив солнечным лучам беспрепятственно литься в окна маленькой часовни возле городского кладбища.

– Господь принял её измученную душу, – прошептала Надя, младшая сестра усопшей, и указала на один из солнечных лучей, падающий прямо на гроб. – Видишь, Диана? Господь всемилостивый простил твою маму за все прегрешения.

Диане было всего семь, и она не считала свою маму грешницей, поэтому ничего не ответила тётке. Девочку в тот момент больше интересовало, кто все эти люди, столпившиеся в часовне, и почему на их лицах столько скорби, если они ни разу не пришли проводить маму, пока та болела. Незнакомые женщины утирали слёзы платочками, а мужчины просто с хмурым видом слушали батюшку, который уже закончил читать полагающуюся по такому случаю молитву и приступил к напутственной речи. Из всех присутствующих Диана знала только тётю Надю, изредка навещавшуюся к ним в гости, когда мама была жива, и соседа дедушку Рому.

– Даже креститься дочь не научила, – проворчала одна из незнакомок, когда панихида наконец-то закончилась, и присутствующим предложили проститься с покойной. – В местной-то церкви небось отпевать отказались...

– Держите своё мнение при себе, пожалуйста, – сердито рыкнула на женщину тётка Надя.

Ведьма. Да, Диана была ещё слишком мала и понимала это слово по-своему, но одно она знала точно – быть ведьмой плохо, потому что ведьм никто не любит. Её маму никто не любил, хотя она никому зла не делала. В травах разбиралась, умела боль заговорить, но разве это плохо? Она же людям помогала, а потом эти же люди отворачивались и говорили злые слова.

А ещё Диана знала, что умерших ведьм не положено в церкви отпевать – она слышала, как об этом говорила бабушка Сима, жена дедушки Ромы. И бабушка Сима на похороны не пришла, потому что считала это святотатством – слово для Дианы непонятное, но явно означающее что-то нехорошее.

– Подойдёшь с мамой попрощаться? – полушёпотом спросила тётя Надя и понимающе кивнула, когда в ответ девочка отрицательно помотала головой. – Ну и ладно, не нужно тебе это.

Когда первые комья мокрой и липкой земли упали на крышку опущенного в могилу гроба, незнакомые женщины принялись рыдать в голос, а Диана зябко поёжилась и крепче прижалась к тёте Наде, потому что осеннее небо снова укуталось в плотную пелену туч, и стало холодно.

Потом были поминки в их квартире, на которые пришли те же самые незнакомые люди, только больше почему-то никто не плакал. Они обсуждали маму и говорили, что она жила неправильно. Какой-то дядька рискнул заметить, что о мёртвых нельзя говорить плохо, но ему тут же ответили, что хорошего об Антонине сказать нечего.

– Уходите, – вдруг разозлилась тётя Надя. – Все уходите.

– Большой грех на душу берёшь, – неприятно сощурилась одна из женщин. – Нельзя гнать с помин тех, кто пришёл почтить память...

– Если бы вы пришли почтить память, а не злословить, это было бы грехом, а за справедливость Бог не наказывает, – сердито отчеканила тётя Надя и действительно всех выгнала.

Почти всех. Когда большинство гостей ушли с недовольными лицами, за столом остались сидеть две незнакомки и тот самый дядька, который пытался урезонить тех, кто говорил плохо о Дианиной маме.

– Иди-ка ты спать, детка, – погладила Диану по светлым волосам тётя Надя. – У нас сейчас взрослый разговор будет, не надо тебе это слушать.

Диана обвела внимательным взглядом оставшихся гостей и молча ушла в соседнюю комнату – ту самую, в которой вчера умерла её мама. Взяла со спинки стула мамин халат, обняла его и свернулась калачиком на накрытой пледом постели, прислушиваясь к голосам взрослых.

– В детдом я её не отдам.

– А куда, Надь? У тебя жилищных условий нет, тебе опеку не даст никто.

– Сюда перееду, я здесь прописана.

– Я тоже здесь прописана. Почему это ты сюда переедешь?

– Потому, Тась, что у меня хотя бы доход есть, а вы с мужем в долгах по уши, и твой благоверный у тебя на шее сидит. Тебе что ли дадут опеку?

– А меня опека не интересует. Я здесь прописана, поэтому имею полное право здесь жить.

– А, то есть Дианку в детдом, а ты со своим алкашом сюда?

– Надь, не ори, девочку разбудишь, – пробубнил мужчина, немного помолчал и добавил: – М-да-а-а... Тоня как лучше хотела, когда согласилась вас сюда прописать, а вы теперь грызётесь, как собаки. У Нади нет условий, у Таси нет дохода, Вера судимая, а меня с моей справкой из психдиспансера к племяншке на километр не подпустят. Ну и семейка. Что делать-то будем с ребёнком?

– Да в детдом её, без вариантов, – фыркнула та, которую вроде бы звали Тасей. – Соседи наверняка уже сообщили куда надо, что ребёнок беспризорный остался.

– Это кто беспризорный? – возмутилась тётя Надя.

– Заткнитесь обе, – устало произнесла Вера. – Квартира кому по наследству достанется?

– Дианке, она единственная наследница.

– Она первой очереди наследница, – уточнила Тася. – А мы все во вторую очередь попадаем. Вы как хотите, а я от своей доли отказываться не намерена. Если надо будет, в суд пойду.

– Я тебе и без суда скажу, что ты от этой квартиры кукиш с маслом получишь, – проворчала Вера. – Диана наследница, и это вопрос закрытый. Из нас четверых только у Нади есть шанс опеку взять, поэтому Надя будет жить здесь с Дианкой.

– А с какой это стати ты раскомандовалась? – повысила голос Тася.

«Мамочка, пусть они все уйдут», – прошептала в мамин халат Диана, вытерла слёзы маленьким кулачком и вздрогнула, когда услышала раздавшийся в соседней комнате грохот. Судя по звуку, там упала люстра. Большая, со стеклянными подвесками. Взрослые зашумели, дядька некультурно высказался в адрес всех ведьм, вместе взятых, а та, кого называли Тасей, заявила, что ноги её не будет в этой квартире до сорокового дня, после чего ушла, громко хлопнув входной дверью.

К Диане в комнату заглянула тётя Надя. Укрыла вторым пледом притворившуюся спящей племянницу и вернулась к ворчащим за стеной родственникам, но девочка их уже не слушала. Взрослые... Они ничего не понимают. Они не знают, что мамочка обещала присмотреть за своей любимой девочкой с неба. Мамочка никому не позволит её обидеть. А если мамочки не будет рядом, Диана сама сможет себя защитить, потому что она наследница, и её наследство – это не только мамина двухкомнатная квартира. Мама оставила ей намного больше, чем все

квартиры, вместе взятые. Она оставила Диане в наследство свой дар. Жаль только, что об этом нельзя говорить никому.

Глава 1

– Какой ещё отец? – Надя сурово уставилась на молоденькую учительницу. – Её отец четыре года назад повесился.

– Не знаю, кто там у вас повесился, – с невозмутимым видом отозвалась педагог, мягко подталкивая в спину любопытного Дианкиного одноклассника, – но сюда пришёл солидный молодой человек со свидетельством о рождении и паспортом, в который вписана Диана.

– Тоня говорила вам, что она вдова и мать-одиночка? Документы на льготы предоставляла?

– Что вы от меня хотите, уважаемая? – нахмурилась учительница. – Этот человек был у директора школы. Он привёл с собой адвоката...

– Да хоть чёрта лысого! – рывкнула Надя так, что первоклашки дружно притихли.

– Покиньте помещение класса, иначе я вызову охрану, – сердито поджала губы девушка. – Можете предъявить свои претензии директору, а мне здесь детей пугать не надо. Выйдите, пожалуйста.

Надя одарила учительницу испепеляющим взглядом и действительно отправилась к директору школы, где ей предъявили копии документов, предоставленных якобы Дианкиным отцом. Ксерокопия паспорта оказалась не слишком качественной, но с фотографии на Надю смотрел до боли знакомый человек.

– Простите, но он родной отец, а вы даже не опекун, – пожала плечами директор и выставила растерянную визитёршу за дверь.

Это в голове не укладывалось. Александр, муж Тони, никак не мог внезапно ожить и встать из могилы, а в том, что он мёртв, у Нади не было никаких сомнений – она лично ходила в морг на опознание, потому что Тоня тогда была не в состоянии это сделать. Дрожащими пальцами девушка набрала в телефоне номер Веры и в двух словах обрисовала ситуацию.

– Вызывай ментов, – посоветовала сестра. – Прямо в школу. Ключ от квартиры где?

– У меня.

– Ладно, я сейчас поеду туда, может, она дома уже. Сиди в школе, никуда не уходи и вызови ментов, пусть разбираются.

Пока Надя звонила в полицию, кто-то позвонил в охрану, и её вежливо выпроводили за ворота школы. Правда, потом пустили назад вместе с полицейскими, которые учинили допрос и директору, и учительнице. Надя тоже дала показания, после чего ей велели возвращаться домой и ждать следователя. И да, когда-то в процессе всей этой суеты Вера сообщила, что квартиру ей никто не открыл.

* * *

– Ты уверен, что это был именно он? – Гридин перевернул в папке страницу с заключением судмедэксперта и хмуро уставился на фотоснимки с места происшествия.

– Лёнь, там даже без опознания родственниками можно было обойтись, – капитан Каменцов в очередной раз вздохнул, не слишком довольный недоверчивостью коллеги. – Человек пришёл с утра на работу, провёл планёрку, после которой трахнул секретаршу прямо на своём рабочем столе и повесился в собственном кабинете из-за угрызений совести. Там предсмертная записка подшита, почитай. Его тридцать человек на месте опознали, почему я должен в чём-то сомневаться?

– Странно это всё... – задумчиво протянул Гридин. – Если б не сирота, можно было бы предположить, что у него брат-близнец был, а так... Ну одно же лицо, сам посмотри.

Он передвинул фотографии на другой край стола и внимательно заглянул Каменцову в лицо. Толя, если ты знаешь хоть что-то, чего нет в этих папках...

– Там всё, – покачал головой Каменцов. – Мне тоже поначалу мотив для суицида казался слишком уж нелепым, а потом... Жаль, что ты с женой его пообщаться не можешь. Интересная была женщина. Взгляд такой... Вроде бы ты и не виноват ни в чём перед ней, а душа сама наизнанку выворачивается.

– И ты туда же, – усмехнулся Гридин. – Мне их соседи три часа рассказывали, что Сивкова была ведьмой, что это она мужа своего колдовством в могилу свела, и что за колдовство Бог её покарал онкологией. Ну похож же, согласишься?

Он кивнул на ксерокопию паспорта, изъятую в школе, и Каменцов утвердительно кивнул.

– Похож. Только это не он, Лёнь.

– М-да...

Картина вырисовывалась более чем непонятная. Восставший из мёртвых папаша приходит в школу за дочуркой, которая знает его только по фотографиям. При этом девочка с воплями «Папа!» бросается на шею к мужику, которого видит впервые, и добровольно уходит с ним за руку. Счастливая и жизнерадостная, что немаловажно. А её тётка головой об стену бьётся и твердит, что это невозможно. Да и по фактам тоже получается, что невозможно, но случилось же!

– Для эксгумации нужна весома причина, – напомнил коллеге Каменцов, подозревая, что Гридин не удовольствуется одними только материалами давно закрытого дела.

– Я в курсе, – коротко отозвался Леонид, аккуратно сложил документы и с задумчивым видом вернулся в свой кабинет.

Всю вторую половину этого хмурого осеннего дня он потратил на то, чтобы составить хотя бы приблизительное мнение о ситуации, но это оказалось невероятно сложно. Кот Шрёдингера какой-то. Есть могила, в которой лежит гроб, в котором лежит труп, который видели все присутствовавшие на похоронах люди, но пока не раскопаешь могилу и не увидишь покойника собственными глазами, не уверуешь, что он действительно труп. А эксгумация – это волокита, да и рано ещё на такие крайние меры идти, хотя точное знание намного упростило бы следствие.

Семилетнюю Диану Сивкову похитили – это факт. Руководству школы здорово влетит за халатность – это тоже не обсуждается. У них были сведения о том, что отец Дианы умер, но эта информация по какой-то непонятной причине оказалась добросовестно забытой.

Гридин в очередной раз набрал в телефоне номер, указанный на визитке адвоката, который приходил в школу вместе с похитителем, но в ответ слышал только длинные гудки. Это тоже было странно. Кирилл Алёшин – человек в городе известный, и Гридин неоднократно сталкивался с ним лично по разным делам, поэтому был уверен, что юрист ответит на его звонок в любое время суток. Исключение – если в момент звонка он находился на каком-нибудь судебном заседании, но теперь часы показывали уже без четверти восемь вечера, и отсутствие ответа от Алёшина было весьма подозрительным.

Да всё в этом деле было подозрительным, но процессуальные нормы никто не отменял, а в большом кабинете на втором этаже Следственного отдела города Бугрянска непосредственный начальник майора Гридина нетерпеливо ждал отчёт о проделанной за день работе. Похищение ребёнка – дело нешуточное, и полковнику Тараскину очень не хотелось, чтобы для решения этой проблемы вышестоящее начальство прислало из областного управления своего человека. Стыдно же – только недавно отчитались о низком уровне преступности и высокой степени раскрываемости, а тут такое.

Понимая, что вряд ли услышит что-нибудь хорошее в свой адрес от задержавшегося на работе начальства, Гридин шумно выдохнул и собрал все имеющиеся в наличии документы по делу Дианы Сивковой в одну тоненькую папку. Что он мог доложить Тараскину? Единственный, да и то притянутый за уши мотив для похищения – наследство, на которое вроде как претендовала одна из тёток девочки, но за такой короткий промежуток времени просто нере-

ально опросить всех. А на слово «завтра» при подобном стечении обстоятельств у Тараскина неизменно начинался острый приступ аллергии, сопровождающийся криками, обвинениями в некомпетентности и угрозами уволить всех.

Час на то, чтобы доложить раздражённому начальству итоги расследования, которое даже толком начаться не успело. Ещё полчаса на дорогу до улицы Высоковольной, где жила Таисия Жучкова – последняя неопрошенная из родственников пропавшей девочки. Гридин знал, что так и будет, потому что красному от гнева Тараскину, как выяснилось, уже звонили из области с предложением прислать на это дело «нормального» следователя. Как будто нормальные только в областном управлении работают, а в городские отделы кого попало по объявлению набирают. Естественно, Тараскин был зол и велел утром предъявить ему протокол опроса этой самой Жучковой. И плевать, что Гридин тоже человек, которому время от времени необходим отдых.

* * *

– Я понимаю, что у вас в полиции рабочий день ненормированный, но совесть-то надо иметь! Нормальные люди спать уже ложатся. Могли бы хоть позвонить и предупредить, что приедете, – Таисия Жучкова плотнее запахнула халат на своей внушительных размеров груди, перекинула на спину толстую тёмно-русую косу и свирепо уставилась на позднего гостя.

– Вы в курсе, что вашу племянницу похитили? – спокойно осведомился Гридин, даже не подумав извиниться.

– В курсе, – кисло поморщилась хозяйка, как-то сразу сникла и жестом нехотя предложила следователю пройти в кухню.

В маленьком, покосившемся домике неприятно пахло перегаром и рвотой, а беспорядок на кухонном столе свидетельствовал о том, что здесь совсем недавно пьянствовала не слишком культурная компания из трёх человек. Вода и удобства во дворе, старый и явно аварийный газовый котёл в кухне, обшарпанные стены, выдававшая виды мебель – сарай, а не жилой дом, поэтому Гридин прекрасно понимал интерес Таисии к чистенькой двухкомнатной квартире, которую после смерти матери должна унаследовать исчезнувшая Диана.

– О! А ты кто? – высунулся из единственной жилой комнаты в стельку пьяный мужик, но хозяйка немедленно затолкала его обратно, ругаясь последними словами, и плотно прикрыла хлипкую дверь.

– Простите, господин следователь, – сконфуженно пробормотала она, вернувшись в кухню.

– Леонид Михайлович, – предложил Гридин альтернативный вариант обращения к нему, брезгливо сдвинул в сторону грязную, густо посыпанную окурками и пеплом посуду, и присел на единственный кажущийся крепким стул. – Это ваш супруг?

– Он, зараза, – вздохнула Таисия и осторожно приземлилась на шаткую табуретку. – Опять нажрался. Где только деньги берёт на ежедневные попойки, ума не приложу. Как ни приду с работы, а тут вся алкашня местная. Вот только перед вашим приходом разогнала всех. Устала уже от этого, сил нет. Вы же не думаете, что это я Дианку украла? Я на работе весь день была, это кто угодно подтвердить может. А муж мой... Да куда ему до такого додуматься?

– Я пока ничего не думаю, а просто собираю информацию, – холодно отозвался Леонид, пристроив пластиковый планшет с бумажным бланком на колене, потому что класть документы на грязный стол было бы очень неосмотрительно. – Ваши сёстры утверждают, что позавчера после похорон Антонины Сивковой произошла ссора по поводу наследуемого Дианой имущества. Вы это подтверждаете?

– Да я это так, из вредности, – махнула рукой Таисия. – Вы же видите, как мы со Стасиком живём, а у Надьки своя комната в общежитии есть. Вот я и возмутилась, что она к Дианке переехать собирается. Прописаны-то мы там обе, а квартиру Сашка покупал, только оформил на Тоню,

потому что там ему по бизнесу зачем-то так надо было. Знаю я, что мне там не положено ничего, но всё равно обидно.

– То есть, угрожая довести дело о наследстве до суда, вы ничего подобного делать не собирались? – уточнил Гридин.

– Да нет, конечно, – грустно усмехнулась женщина. – На суд деньги нужны, да и проиграла бы я его всё равно. А с таким мужем мне опеку над Дианой никто бы не дал. Я же не дура, господин следователь, я всё прекрасно понимаю. Ругаться, грозить – это я могу, а толку-то? Воздух только сотрясать.

– Понятно, – Гридин кивнул и принялся переписывать данные из паспорта Таисии в бланк. – Таисия Дмитриевна, расскажите мне, пожалуйста, об отце Дианы. Что вы о нём знаете?

– Нехороший он был человек, – сразу же нахмурилась хозяйка. – До денег жадный, на язык злой... Но Тоню он очень сильно любил.

– А она его?

– А она с него на свадьбе клятву взяла, что если он ей хоть раз изменит, то в тот же день сам на себя руки наложит. Так и вышло. А почему вы про Сашку спрашиваете? Его уж четыре года как схоронили.

Гридин пристально посмотрел на собеседницу и поинтересовался:

– Кто вам сообщил о пропаже девочки?

– Верка, – подозрительно нахмурилась Таисия. – Она мне на работу позвонила и сказала, что если это моих рук дело, то она мне собственноручно кишки выпустит. А она может, между прочим. Вы знаете, что она за убийство нашего отца сидела?

Леонид знал, потому что заблаговременно навёл справки обо всех членах семьи Былиных. Вера – старшая из пятерых детей. Ей было двадцать два, когда в одну из тёплых летних ночей две тысячи шестого года неожиданно раздался телефонный звонок, и тринадцатилетняя Надя прорыдала в трубку, что пьяный папа убил маму и избивает шестнадцатилетнюю Тоню. Брат девочек Василий тогда в очередной раз лежал в психушке, потому что ему исполнился двадцать один год, военкомат усомнился в подлинности его диагноза, и нужно было предоставить доказательства, что он не подлежащий призыву псих. Вера и её муж помчались спасать девочку – в ту самую хибару, где теперь жила Таисия. Обнаружили мёртвую мать в луже крови и до полусмерти избитую Антонину, а Надю «поймавший белочку» папаша загнал в сарай, зажал в угол и добросовестно пытался придушить. Вера раскроила папочке череп топором и в результате получила три года колонии за убийство в состоянии аффекта только потому, что её супруг заявил на суде, что она не дала ему шанс вмешаться и урегулировать конфликт иначе. А сразу после оглашения приговора муж Веры подал на развод – не захотел связывать свою дальнейшую судьбу с убийцей.

Всё это случилось, когда восемнадцатилетняя Таисия училась в институте в другом городе. Со слов Веры и Надежды, она была любимицей отца, поэтому тяжело перенесла случившуюся в семье трагедию. Она даже ни разу не навестила младших сестёр в детском доме, куда тех определили органы опеки за неимением заинтересованных в их судьбе родственников. Вот и теперь Таисия, произнося имя Веры, морщилась так, будто Гридин заставил её жевать клопа.

– По имеющейся у следствия информации, вашу племянницу забрал из школы родной отец, – сообщил Леонид и по вытянувшемуся лицу собеседницы понял, что она вряд ли имеет какое-либо отношение к похищению.

– Да ладно... – недоверчиво протянула Таисия. – Как он мог её забрать? Из мёртвых что ли воскрес?

– Я тоже хотел бы это знать, – признался Гридин.

Он ушёл из покосившейся хижины Жучковых уже за полночь, но вынес оттуда только уверенность в том, что Таисия не больше виновна в исчезновении племянницы, чем остальные

родственники Дианы. Василий Былин после похорон и поминок, состоявшихся всего два дня назад, пребывал в состоянии запоя, со слов бдительных соседей свою однокомнатную квартиру не покидал ни разу, а Гридин даже добудиться его не смог, чтобы опросить. Вера Швакина весь день была на работе и отпросилась только после звонка Надежды Былиной, которая намеревалась голыми руками оторвать голову похитителю, если доберётся до него раньше сотрудников правоохранительных органов. На минувший день у всех родственников девочки имелось железное алиби, да и очевидного мотива ни у кого из них не наблюдалось. Квартира? Да, наследство могло быть мотивом, но только в случае смерти наследницы. Оставалось надеяться только на то, что за время поисков хоть какой-нибудь зацепки тело маленькой Дианы не будет обнаружено где-нибудь в ближайшей к городу посадке. И адвокат Алёшин по-прежнему не отвечал на звонки, что было уж совсем из ряда вон выходящим.

Садясь за руль своего автомобиля, Леонид Гридин размышлял о том, не съездить ли ему лично по адресу, указанному в штампе о регистрации, который с трудом, но читался на плохонькой ксерокопии паспорта Александра Сивкова. Днём там уже побывал его помощник Руслан, но безрезультатно – соседи сказали, что квартира давно пустует.

Гридин даже не понял, что произошло, когда его сердце вдруг перестало биться. Сделал короткий вдох, непонимающе уставился перед собой и грузно осел на сиденье, до отказа вдавив в пол педаль сцепления. Завести двигатель он не успел, поэтому человеку, издали наблюдавшему за ним и домом Жучковых, можно было не опасаться, что несчастного найдут раньше, чем наступит утро.

* * *

– Не спится?

Дежурный весело улыбнулся и бросил короткий взгляд на часы, которые показывали пятнадцать минут третьего. Гридин в ответ молча пожал плечами, приложил пропуск к терминалу на проходной и неуверенной походкой направился по коридору к своему кабинету.

– Пьяный что ли? – удивлённо предположил дежурный, который знал Гридина как человека строгих правил, непьющего и безгранично влюблённого в свою работу.

Минут через пятнадцать следователь покинул здание Следственного отдела под очередной удивлённый взгляд в спину. В его руках была тоненькая папка с документами по делу о пропавшей Диане Сивковой, а с жёсткого диска на рабочем компьютере исчезла вся информация, касающаяся этого происшествия. Запрошенное днём из архива дело покончившего собой Александра Сивкова так и осталось лежать в сейфе, но причина, по которой Гридин запросил эти документы, теперь останется для его коллег тайной, потому что майор скоропостижно скончался два часа назад и уже не сможет ответить ни на какие вопросы. Он умер и оставил загадку, над которой многие будут долго ломать голову, а потом просто спишут всё на ошибку судмедэксперта – никто ведь не может так сильно любить работу, чтобы приходить на неё даже после своей кончины.

Глава 2

От волнения Надя не могла заснуть почти всю ночь и выпила столько успокоительных, что умудрилась не услышать громко верещащий будильник, который каждое буднее утро в половине седьмого будил даже соседей. Зато она вскочила, как ошпаренная, когда почувствовала лёгкий толчок в плечо и сердитый детский голосок.

– Тётя Надя, просыпайся, а то мы в школу опоздаем.

– Дианка? – Надя потрясла головой, стряхивая с себя остатки сна, после чего сгребла племянницу в охапку и прижала к груди. – Радость моя, как ты меня напугала!

– Ты меня задушишь, – прохрипела, вырываясь, девочка.

Надя ослабила объятия и заглянула Диане в глаза.

– Где ты была?

– Тебе кошмар приснился что ли? – нахмурилась Диана. – Вставай, урок уже скоро начнётся. Мы так не успеем же.

Надя бросила взгляд на настенные часы, которые показывали начало девятого, и непонимающе сдвинула брови над переносицей. Она попыталась вспомнить события предыдущего дня, но память наотрез отказывалась помогать ей в этом. С утра она отвела Дианку в школу, потом зашла в магазин, дома приготовила обед и к часу дня пошла забирать племянницу с уроков, а дальше воспоминания являли собой обрывчатую туманную неразбериху, в которой периодически мелькало лицо сестры.

– Ну вставай уже! – Диана нетерпеливо потянула тётку за руку. – Мне ещё косички надо заплести.

– Ага... – неуверенно протянула Надя, опуская ноги на холодный линолеум пола. – Что-то я как-то странно себя чувствую...

– У тебя голова вчера болела сильно-сильно, – сообщила Диана. – И ты лекарств много выпила. Я что, дома сегодня останусь? В школу не пойду?

– Эм-м-м...

Надя тщетно пыталась собрать в кучку разбегающиеся мысли, но с каждой минутой всё больше приходила к выводу, что ей и правда приснился кошмарный сон, навеянный лекарственным дурманом. Если Дианку похитили, то как она оказалась утром дома? Дверь-то входная закрыта была. И зачем кому-то надо её похищать? Нет, не кому-то даже, а давно умершему отцу! Ну бред же. Ещё и голова кружилась так, что перед глазамиплыли оранжевые пятна.

– Малыш, я, кажется, не смогу...

– А можно я сама в школу пойду? – обрадовалась Дианка. – Тут недалеко совсем же. Через двор только перейти и через пешеходный переход. Я знаю, что надо переходить, когда зелёный человечек загорится. Ты мне косички заплети только, ладно?

– Нет, – покачала тяжёлой головой Надя. – Сама ты точно никуда не пойдёшь. Я сейчас позвоню Наталье Павловне и скажу, что ты сегодня дома останешься.

Диана сникла, демонстративно опустила свои худенькие плечики, шмыгнула носом и поплелась в соседнюю комнату переодеваться из школьной одежды в домашнюю. Надя нашла под подушкой свой старенький кнопочный мобильник и вспомнила, что вроде бы накануне к ней приходил следователь, и она записывала в телефон его номер. Перелистала контакты – ничего подобного нет. «Как же его звали, следователя этого?» – вяло протекла в голове мысль, пока большой палец жал на кнопки, листая записную книжку до номера Дианкиной учительницы.

Вспомнить имя следователя так и не удалось, да и внешность его в памяти не сохранилась, поэтому Надя решила не мучить себя и признать, что всё якобы пережитое ею накануне было просто сном. Будь это реальностью, она бы помнила намного больше, а сны обычно забы-

ваются сразу же, как только проснёшься. Вот и этот забылся, оставив после себя лишь подсознательное чувство тревоги и ощущение неправильности происходящего.

Позвонила учительнице и, чувствуя себя полной дурой, спросила, кто вчера забирал Дианку из школы. Наталья Павловна удивлённо ответила: «Вы», и Наде показалось, что голос учителя прозвучал как-то не слишком уверенно.

Позвонила Вере, и та сказала, что вчера отпросилась с работы после Надиного звонка, но не помнит, по какой именно причине, и что было дальше. Вроде бы она заезжала к ним с Дианкой в гости, но это не факт.

– Давление подскочило, я лекарств наглоталась, поэтому в башке теперь полная муть. И на работу не пошла сегодня, потому что не в состоянии, – пожаловалась сестре Вера. – Магнитные бури, наверное. Ну или нас всех после смерти Тони наконец-то трухануло основательно. Не могла же она просто так уйти, что-то должно было случиться. Кстати, Таська тоже никакущая. Она вот прям перед тобой мне звонила. Лежит пластом с больной башкой, а Стасик её похмелем мается, но из дому выйти до магазина боится, потому что там у них прямо под окнами ночью мужик какой-то в своей машине умер. Менты понаехали, вот Стас и нервничает. А к ним всё равно ведь придут свидетелей искать. Ладно, Надюш, давай закругляться, а то у меня каждое слово в голове звоном отдаётся. Держись там и не психуй попусту. Нормально всё, прорвёмся. Как очухаюсь маленько, в церковь за святой водой схожу и приеду к вам. Точно от Тоньки это всё, обидели мы её крепко. До сорокового дня теперь что угодно может случиться.

Обидели, да. Тоня ещё месяц назад позвонила брату и сёстрам – сообщила, что умирает, назвала точную дату своей смерти и каждого попросила позаботиться о Дианке. Ладно бы далеко жили, а то ведь в одном городе все, без пересадок автобусом доехать можно. У Таськи зависть, у Веры работа, у Василия неадекватные тараканы в голове, а Надя просто не хотела видеть, как сестра мучается. Никто из них не нашёл в себе сил и желания приехать и хотя бы морально поддержать Тоню. Всем было жалко маленькую Дианку, но каждый надеялся, что ответственность за неё взвалит на себя кто-нибудь другой. В итоге Надя приехала первой – в озвученный Тоней день. Тело сестры уже остыло, а Дианка лежала рядом, свернувшись калачиком и устремив в пустоту невидящий взгляд. Остальные приехали только на похороны. На такое любой бы обиделся, а Тоня ведьмой была. Вера права – от неё и после смерти чего угодно ждать можно.

– Диан! Принеси воды, пожалуйста! – крикнула Надя, чувствуя, что сама до кухни не доберётся.

– Сейчас принесу! – отозвалась девочка из соседней комнаты и побежала в кухню.

«Хорошо детям, у них психика гибкая», – подумала Надя и снова попыталась припомнить детали приснившегося ей кошмара о похищении племянницы, но ничего не вышло – с каждой минутой воспоминаний становилось всё меньше, будто кто-то методично стирал из памяти всё лишнее и ненужное.

* * *

В кабинете начальника Следственного отдела города Бугрянска стояла гробовая тишина, потому что в это утро полковник Тараскин был особенно мрачен. Обведя подчинённых убийственным взглядом, он налил себе воды, бросил в стакан таблетку шипучего аспирина и приложил холодную посудину ко лбу в ожидании, когда лекарство растворится, и его наконец-то можно будет выпить.

– Кто-нибудь может объяснить мне, что за чертовщина у нас творится? А? – Тараскин болезненно поморщился, потому что голова у него трещала хуже, чем с похмелья.

– Это сезонный вирус, вы бы себя поберегли, Глеб Петрович, – подал голос Руслан Амелин, который работал в отделе не слишком давно, и поэтому не знал, что за подобные советы начальству можно схлопотать по шапке.

– Засунь этот вирус себе знаешь куда... – скрипнул зубами Тараскин, но на полноценный приступ гнева у него не хватило сил. – Где Каменцов?

– Он тоже заболел, – отозвался Амелин. – Говорю же, что вирус ходит. У меня вот тоже мозги не на месте с самого утра, будто их кто-то ложкой перемешал.

– Они у тебя всегда такие, – Тараскин отхлебнул из стакана целительную жидкость и устало прикрыл глаза. – У меня к вам всего один вопрос, ребят. Почему из области у меня требуют отчёт о том, как продвигаются поиски несовершеннолетней Дианы Сивковой, а я даже не знаю, о чём идёт речь? Амелин, ты с Гридиным вчера работал. Может, прояснишь ситуацию?

– Я вторую половину вчерашнего дня вообще плохо помню, Глеб Петрович, честно, – замотал головой Руслан. – Температура, наверное, была. Всё в тумане каком-то, обрывками. Вроде бы видел документы у Лёни на столе. И он меня куда-то зачем-то отправлял, но я адрес не записывал, а сейчас даже вспомнить его не могу. Вроде как даже ездил куда-то...

– Вот и у меня всё «вроде бы» и «вроде как», – недовольно нахмурился Тараскин. – Может, и правда вирус... А зачем Гридин дело четырёхлетней давности о самоубийстве Александра Сивкова из архива запросил, тоже никто не знает?

Присутствующие, которых было всего трое, отрицательно покачали головами, и из уст полковника вырвался звук, прозвучавший одновременно и как вздох, и как ругательство.

– Заявления о пропаже ребёнка нет, дела нет, никто ничего не знает или не помнит... Бред какой-то. Ладно, идите работайте, сыщики хреновы. Руслан, а ты узнай, что там за проблема с этой Сивковой. Может, ложная информация, а в области, как обычно, перебдить решили. Доложишь мне лично. Всё, все свободны. И решите там, кто будет деньги на похороны Лёни собирать. Скажете потом. А я, пожалуй, в поликлинику всё-таки. Не нравится мне это всё.

Будучи человеком исполнительным, Руслан Амелин умудрился справиться с поставленной задачей раньше, чем Тараскин покинул здание Следственного отдела. Диана Сивкова дома и, со слов тётки, никуда не исчезала. Шеф даже не похвалил его за оперативность, потому что загадок от этого доклада стало только больше. Буквально за пару минут до доклада Амелина Тараскин получил информацию о имеющейся в наличии записи телефонного звонка в полицию – тётка Дианы действительно заявляла о похищении ребёнка. Был выезд на место, после которого не осталось ни одного протокола или отчёта, а те сотрудники, которые выезжали в школу, тоже заболели странной сезонной хворью, отбивающей память. Тараскин связался по телефону с директором школы, но также услышал в ответ только «вроде бы» и «вроде как».

С одной стороны, девочка дома, и это хорошо – можно доложить в область, что руководство управления непонятно с какой целью ввели в заблуждение относительно её похищения. С другой... Такого бардака за все годы, которые Тараскин руководил Следственным отделом города Бугрянска, не было ни разу. Всех, кто так или иначе касался дела об исчезновении Дианы Сивковой, внезапно поразил загадочный избирательно-амнезийный вирус. Документы испарились, а пышущий здоровьем следователь Гридин просто взял и умер в одно мгновение от внезапной остановки сердца. Причём так умер, что после своей смерти ещё и на работу посреди ночи зачем-то приходил. Просто мистика какая-то! А мистику полковник не любил особенно, потому что предпочитал работать с тем, чему есть логичное объяснение.

* * *

– Надюш, Вася умер.

– Как умер?

Надя села на постели и уставилась на часы, которые показывали без пяти минут полдень. Головокружение прошло, но мысли всё равно разбегались в разные стороны, и сосредоточиться на какой-то одной из них не получалось. Вася умер... Переложив телефон в левую руку, потому что правая за время сна затекла, Надя нахмурилась.

– Вера? Алло... Ты чего молчишь?

Из аппарата послышался всхлип. Вера плакала, хотя особой любви к брату никогда не испытывала.

– Он вчера опять напился до чёртиков, Надь. Соседи говорят, что с похорон не просыхал. А ночью открыл настежь окно и... Если б в палисадник, а то головой прямо на бордюр.

– А почему ты мне утром ничего не сказала?

– Так не знала же. Мне Фима, соседка его, только два часа назад позвонила. Она сама-то в ночную смену работала, а как домой вернулась, так сразу и... Больше ни у кого наших номеров нет же, а Васька свой телефон раздавил чем-то. Тут у него такое в квартире творится... Менты по соседям контакты родственников спрашивали, так что я к ним сейчас поеду. А ты дома сиди, мож к тебе приедут тоже, если как-то адрес найдут. Как себя чувствуешь-то?

– Да теперь даже и не знаю... – растерянно пробормотала Надя.

– Ну ты держись там, Надюш. С похоронами разберёмся, у меня есть сбережения кое-какие. Давай, пока.

– Ага, давай.

Экран телефона засветился и погас, сообщая о завершении разговора, и Надя тупо уставилась прямо перед собой, пытаясь усвоить услышанное. Только в субботу Тоню похоронили, два дня всего прошло, и тут очередной удар. Вася... Он, конечно, чокнутый был, но не настолько, чтобы в окно с шестого этажа выходить. Хотя... У отца ведь тоже крыша на почве пьянства поехала, и не факт, что это не наследственное.

Надя не плакала, потому что мозг наотрез отказывался принимать информацию о смерти брата. А ещё потому, что тёплых отношений между ними не было даже в детстве. Васька – псих. Все сёстры, кроме Веры, старались держаться от него подальше, да он и сам никогда не проявлял ни братской любви, ни желания общаться. Беззлобный, безвредный... Единственным его недостатком были постоянные ночные кошмары и периодические галлюцинации, но этого оказалось достаточно, чтобы парень стал изгоем в собственной семье.

После смерти родителей, когда Тоня и Надя угодили в детдом, Василий навестил их всего один раз – почти сразу после выписки из психдиспансера. Сказал, что уезжает из города и не сможет больше прийти, но на самом деле никуда не уехал. Ему просто было очень тяжело воспринимать всё, как свершившийся факт. Вера тогда получила срок, а Тоне через два года исполнилось восемнадцать, и она тоже покинула Надю. За следующие три года Надя видела своих близких всего два или три раза, но о причинах такого отторжения никого и никогда не спрашивала. Тася – вообще отдельный разговор. Семья Былиных развалилась, каждый стал сам по себе, и только спустя несколько лет между ними снова появилась какая-никакая, но связь – благодаря именно Васе, которому однажды взбрело в голову, что так жить нельзя, и нужно восстанавливать отношения.

Они были разными и чужими друг другу. У каждого была своя жизнь. Вере как-то удалось отсудить у бывшего мужа половину квартиры в центре города, которую в итоге они разменяли на две однокомнатных на окраине. Вася ещё до трагедии получил своё жильё в наследство от бабушки – единственного человека, который любил его, невзирая ни на что. Тоня после детдома пыталась ужиться с Тасей в хибаре родителей, но в итоге съехала на съёмное жильё, а потом вышла замуж. А Надя... Надя влюбилась в женатого мужчину, который помог ей получить комнату в общежитии, но у этих отношений не было перспектив. Если бы не внезапное озарение Васи, все они так и жили бы в разных частях одного города, не интересуясь судьбой друг друга. А теперь Васи нет.

– Ты проснулась! – Дианка прошмыгнула в комнату, забралась на кровать и обняла Надю за шею. – Я тебя люблю!

– Я тоже тебя люблю, – Надя вяло улыбнулась и погладила племянницу по руке. – Кушать хочешь?

– Я делала себе чай и бутерброд, – сообщила Дианка, заглянула тётке в лицо и нахмурилась. – Почему ты плачешь? У тебя опять голова болит?

– Плачу? – удивилась Надя и почувствовала щекотную влагу ползущей вниз по щеке слезы. – Нет, просто глаза слезятся. Включи чайник, пожалуйста.

Дианка убежала в кухню выполнять поручение, а Надя сделала глубокий вдох и заставила себя думать о том, что она взяла всего неделю отпуска, в течение которого нужно успеть собрать все справки для оформления опеки над племянницей и сходить к нотариусу по поводу наследства. И проститься с Васей, хотя об этом младшая Былина предпочла бы не думать вовсе.

Глава 3

– Былин Василий Дмитриевич, восемьдесят пятого года рождения, не женат, с двенадцатилетнего возраста состоял на учёте в психоневрологическом диспансере. Согласно информации, полученной от соседей, в последнее время сильно пил. Вскрытие подтвердило, что на момент смерти Былин...

– Ты зачем мне это всё рассказываешь? – Тараскин гневно сдвинул брови и вперил в Амелина взгляд, не сулящий молодому следователю ничего хорошего. – Я тебе и без предварительного следствия скажу, что состава преступления там нет. Псих-одиночка нажрался и вывалился в окно. Амелин, сворачивай вот эту вот всю свою самодеятельность и занимайся реальными делами. И без твоего щенячьего любопытства проблем хватает.

– Глеб Петрович...

– Я уже полвека Глеб Петрович, – скрипнул зубами Тараскин. – Иди, Руслан, иди.

– Но...

– Свободен, – сухо процедил начальник Следственного отдела и демонстративно раскрыл лежащую на столе папку с документами, давая подчинённому понять, что разговор окончен.

Руслан Амелин недовольно поджал губы и действительно собирался выйти из кабинета, но природное упрямство заставило его остановиться у двери и всё же донести до сведения руководства ту часть информации, ради которой молодой и неопытный сотрудник и пришёл к Тараскину.

– Василий Былин приходился родным дядей Диане Сивковой, Глеб Петрович. И кое-кто из соседей утверждает, что в день перед самоубийством Былина видели, как к нему в гости приходили мужчина и девочка лет семи, по описанию очень похожая на Диану Сивкову.

– Откуда информация о родстве? – подозрительно сощурился Тараскин.

– От Веры Швакиной, в девичестве Былиной. Это старшая сестра погибшего, – Руслан обрадовался, что ему всё же удалось привлечь внимание Тараскина к этому делу, и рискнул высказать предположение, которое не давало ему покоя с самого утра. – Глеб Петрович, смерть Лёни как-то связана с этими Былиными. Я пока не могу это доказать, но вы сами посудите...

– Гридин умер от острой сердечной недостаточности, – перебил его полковник.

– Да, но возле дома Таисии Жучковой, которая в девичестве тоже Былина, и тоже приходится родственницей Диане Сивковой, – упрямо возразил Амелин. – Это не может быть простым совпадением. Станислав Жучков утверждает, что Лёня к ним зачем-то заходил, но назвать цель этого визита не может, поскольку был пьян, а его супруга ничего про Гридина не помнит. Странно это всё, Глеб Петрович. Я бы сказал, что на массовый гипноз похоже, потому что у всех, кто так или иначе вчера касался этого дела, память как-то избирательно отшибло.

– А ты шамана с бубном позови, чтобы злых духов от нас отогнал. Амелин, тебя в Академии учили на кофейной гуще гадать или фактами руководствоваться? – скривился Тараскин, и Руслан понял, что перегнул палку.

– Глеб Петрович, но...

Тараскин многозначительно приподнял правую бровь, и молодому сотруднику Следственного отдела ничего не оставалось, кроме как покинуть кабинет начальника ни с чем.

– Гипноз... – недовольно проворчал полковник Тараскин и задумчиво уставился в пустоту перед собой, перебирая в уме полученную за день информацию.

От своего лечащего врача, который, за исключением излишней нервозности, не обнаружил в состоянии пациента никаких отклонений от нормы, Тараскин вернулся на работу ни с чем – причин открывать больничный лист не было, и доктор просто прописал ему курс витаминов и успокоительные на ночь. Станный провал в памяти продолжительностью в несколько часов был списан на чрезмерную утомляемость, но на МРТ головного мозга полковника всё же

записали, чтобы исключить возрастные патологии. По мнению эскулапов, Тараскин для своих лет был практически здоров, и это смущало его ещё сильнее – если всё настолько хорошо, то как объяснить выпавшую из памяти половину вчерашнего дня? Гипнозом?

Вариант первый – руководствоваться логикой и здравым смыслом, которые подсказывают, что рано или поздно всему найдётся рациональное объяснение, и проблемы нужно решать по мере их поступления. Вариант второй – признать, что ситуация уже на этом этапе начинает выходить из-под контроля, и никакого рационального объяснения странным совпадениям и событиям может и не быть. Разница в последствиях. Если идти вторым путём, то можно стать всеобщим посмешищем и, вполне вероятно, лишиться должности, поскольку вышестоящее руководство уже давно ищет любую причину отправить засидевшегося в своём кресле руководителя Следственного отдела города Бугрянска Тараскина Глеба Петровича на заслуженный отдых. Первый путь логически более правильный, но игнорирование проблемы эту самую проблему не решает а только усугубляет, и ждать, когда неприятности посыплются на голову, как из рога изобилия, не слишком предусмотрительно.

– Чёрт! – раздражённо озвучил Тараскин своё мнение о происходящем и вынул из ящика стола пухлую записную книжку в коричневом кожанном переплёте. Перелистал испи-санные небрежным почерком странички, нашёл нужный телефонный номер и набрал на личном мобильнике цифры, которые когда-то давно сам себе поклялся забыть навсегда.

– Алло? – ответил на звонок знакомый голос.

– Галя, здравствуй. Это Глеб Тараскин.

Он замолчал, дожидаясь реакции собеседницы, и вздохнул с облегчением, когда спустя минуту услышал:

– Если у тебя хватает наглости мне звонить, значит, случилось нечто из ряда вон выходящее.

* * *

Галина Задорожная была женщиной, которую Тараскин откровенно недолюбливал. Умная, проницательная, прямолинейная... Когда-то они работали вместе, и Глеб Петрович искренне завидовал природному таланту коллеги находить неочевидные зацепки там, где их не могли разглядеть даже профессионалы с многолетним стажем работы в следственных органах. У него такого таланта не было. Зато он был мужчиной, и в нужный момент воспользовался этим фактом, как преимуществом, убедив вышестоящее руководство, что женщину на должности начальника Следственного отдела подчинённые всерьёз воспринимать не будут. «Галя рабочая лошадка, а не лидер. Кабинетную работу она терпеть не может, а в новом коллективе на новом месте, да ещё и руководителем... Вы ей жизнь сломаете, если предложите её кандидатуру на эту должность», – ненавязчиво высказал он тогда непосредственному начальнику своё мнение, в результате чего и получил назначение в Бугрянск. То самое назначение, которое полагалось Галине Задорожной.

С тех пор прошло уже почти десять лет, на протяжении которых Тараскин не раз пожалел, что «подсидел» Галину. Его неблагоприятное участие было столь очевидным, что бывшие коллеги практически сразу свели общение с Глебом к рабочему минимуму, а те, кого он считал друзьями, без стеснения высказывали ему в глаза своё далеко не лестное мнение по данному поводу. Многие связи оказались утраченными, а результат не оправдал ожиданий – Бугрянский отдел на самом деле был не перспективой для дальнейшего карьерного роста, а стал финальной точкой в его карьере. Почему? Да потому, что как раз у Тараскина-то и не было лидерских качеств, и новая должность показала его несостоятельность как руководителя во всей неприглядности. Даже теперь, спустя столько лет, подчинённые так и не научились его уважать. Того, что обычно достигается опытом и профессионализмом, Глеб Петрович добивался криком. И до сих пор его не уволили с этой должности только потому, что сплотившиеся против само-

дура-начальника подчинённые жаловаться-то жаловались, но при этом каким-то непостижимым образом повышали нужные показатели результативности. Тараскин был плохим руководителем, но под его руководством отдел работал эффективно, и это играло ключевую роль.

А Галина ушла из органов в частный сыск, потому что ей надоела бюрократическая составляющая работы следователя. Да, поначалу она была обижена на Тараскина за его свинский поступок, но позже поняла, что действительно не смогла бы променять активную деятельность на бесконечное перекладывание бумаг, рапорты, отчёты и тому подобное. Причиной увольнения она назвала «личное», в подробности своего решения вдаваться не стала, как и опровергать домыслы о том, что во всём виноват Тараскин. После этого отношение к нему в областном Следственном управлении испортилось ещё больше, ведь ценных сотрудников терять всегда жаль, а Галя Задорожная была именно таким сотрудником.

Так и получалось, что Галина жила полноценной жизнью и любила свою новую работу даже больше, чем прежнюю, а Глеб Петрович продолжал пожинать плоды старого, но не забытого предательства и тащить ярмо опостылевшей должности, которая ему до чёртиков надоела, но которую он боялся потерять, потому что приказ «сверху» об увольнении окончательно уничтожил бы его даже в собственных глазах.

– Тараскин, ты там уснул что ли? – вырвал его из пучины нахлынувших воспоминаний голос Галины.

– Галь, мне твоя помощь нужна, – выдавил из себя признание Глеб Петрович и поморщился, недовольный тем, что приходится обращаться за помощью именно к Галине.

– Ого! – послышался в ответ ехидный смешок. – Это ещё загадочнее, чем тот факт, что ты до сих пор помнишь номер моего телефона. Заинтриговал даже. Время только не слишком подходящее выбрал, я за рулём. Это твой номер или служебный?

– Мой.

– Я позже перезвоню.

Галина завершила вызов. Тараскин положил телефон на стол, вынул из кармана носовой платок и промокнул им выступивший на лбу пот. Неприятно, да, но другого выхода у него не было. Смерть Василия Былина – несчастный случай или самоубийство. Признанный псих, пьяный... Состав преступления нет, поэтому и дела не будет, но было бы величайшей глупостью игнорировать наличие какой-то непонятной связи между событиями последних двух дней. Амелин прав – это не совпадения. Независимое частное расследование, если Галина захочет помочь – это единственный возможный способ разобраться, потому что вести следствие на пустом месте, догадках и домыслах никто не позволит. Ди и на каком основании дело открывать? И какое дело? О массовой краже воспоминаний? Бред. Но страшно. Несмотря на желание прояснить ситуацию, Тараскину очень не хотелось, чтобы подозрения Амелина насчёт гипноза нашли своё подтверждение – уж очень много в памяти Глеба Петровича было тайн, о которых никому знать не следовало.

* * *

К сестре Вера ехала с тяжёлым сердцем. Сначала Тоня, через три дня Вася... Вскрытие ещё не сделали, но по обстановке в Васиной квартире и так было понятно, что он в последние два дня добросовестно накачивал себя алкоголем и при этом даже не закусывал. Повсюду пустая стеклотара из-под дешёвой водки, грязь, окурки – ничего этого не было, когда Вера заезжала за братом в день похорон Тони. Василий хоть и пользовался репутацией алкаша и психа, но за порядком в своём скромном жилище обычно следил. Складывалось впечатление, что смерть сестры что-то в нём сломала. Он ведь даже на поминках не пил особо, а потом вот сорвался.

Хуже всего было то, что «заботливые» соседи снабдили полицию невероятным количеством информации, которую Вера не могла опровергнуть. Плохо, когда связь между родствен-

никами настолько слабая, что родные братья и сёстры совершенно не знают друг друга. Да, Вася выпивал. Да, жил один. Да, у него даже по-трезвому случались приступы галлюцинаций, из-за чего, собственно, он и состоял на учёте у психиатра. Пытался наладить отношения с сёстрами, но без особенного успеха. Жил на пособие по инвалидности, поэтому продал большую часть бабушкиной мебели. Говорил, что подрабатывает где-то грузчиком, но неофициально. Чем ещё Вера могла помочь правоохранительным органам? Да ничем. Разве что объяснить, что нарисованная на обоях большая пятиконечная звезда, которой ещё два дня назад не было, символизирует их семью. По одному лучу для Васи Таси, Веры, Тони и Нади, а в центре имя единственного представителя следующего поколения Былиных – Диана. Зачем он это нарисовал, причём собственной кровью? На этот вопрос у Веры ответа не было.

Поднимаясь по ступеням к квартире покойной сестры, где теперь с Дианкой жила Надя, Вера думала о том, что эту самую звезду Вася мог нарисовать из-за своей одержимости идеей вновь сплотить их развалившуюся семью. Тоня умерла, его планы рухнули, вот крыша и съехала окончательно. Ну а как ещё это всё можно объяснить?

– А завтра ты придёшь? – раздался этажом выше звонкий голосок Дианы, и Вера остановилась, стряхивая с себя глубокую задумчивость, чтобы не нервировать и без того несчастного ребёнка своим мрачным видом.

«Интересно, кому это Дианка так радуется?» – успела подумать за мгновение до того, как услышала ответ на свой мысленный вопрос.

– Нет, радость моя, завтра не смогу. У нас на небе очень строгие правила, и Боженька не любит, когда его ангелы часто отлучаются. Но мы скоро обязательно увидимся, я тебе обещаю.

– Мамоchка, ну не уходи...

У Веры волосы под платком встали дыбом. Перешагивая через две ступеньки, она практически взбежала вверх по лестнице и застыла, как вкопанная, столкнувшись нос к носу с улыбающейся Тоней. С той самой Тоней, которую они похоронили всего пару дней назад.

– Привет, сестрёнка! – криво усмехнулась покойница.

Наверное, нужно было поступить как-то иначе, но единственное, на что у Веры в тот момент хватило ума – это втолкнуть Дианку в квартиру, захлопнуть входную дверь, закрыть на два оборота дверной замок и на всякий случай три раза его перекрестить. Глупо, конечно, но ведь не каждый день встречаешься с призраком своей сестры, которая, к тому же, при жизни имела не слишком лестную репутацию ведьмы.

На лестничной площадке за дверью прозвучал неприятный смех, после чего послышались удаляющиеся вниз по лестнице шаги, и Вера сползла вниз по стене, с ужасом глядя на плачущую племянницу.

– Диана, а где тётя Надя?

– Она спит, – Дианка шмыгнула носом и размазала кулачками стекающие по щекам слёзы. – Я к маме хочу. Почему она ушла?

Девочка обогнула сидящую на полу бледную тётку и побежала в кухню, где подтащила к окну табуретку и взобралась на неё с ногами, чтобы выглянуть на улицу. Вера подумала, что ей тоже не мешало бы хотя бы издали взглянуть на женщину, с которой она только что встретилась на площадке – пусть и со спины, но очень хотелось убедиться, что это действительно была Тоня, а не галлюцинация, какие случались у Васи. Она нашла в себе силы подняться на ноги и подойти к окну, но во дворе уже никого не было. У подъезда стояли двое мужчин – один помоложе, темноволосый, в коричневой кожаной куртке, а второй совсем седой и в коротком плаще. Мужчины о чём-то оживлённо беседовали, и тот, который седой, показался Вере смутно знакомым. Даже не смутно – она могла поклясться, что где-то встречалась с этим человеком, вот только не могла вспомнить, где именно и при каких обстоятельствах.

– Вера? – раздался за спиной сонный голос Нади. – Ты чего в грязной обуви по квартире ходишь? Давно пришла-то? Дианка, слезь с табуретки, пока не упала.

– Надь... – Вера бросила последний взгляд на знакомого незнакомца и повернулась к сестре. – Надь, я сейчас Тоню видела. Здесь, на лестнице. Диана с ней разговаривала.

– Тоню? – нахмурилась Надежда. – Вер, ты совсем что ли?

– Диана, скажи тётё Наде, кто только что перед моим приходом вышел из этой квартиры, – Вера попыталась найти подтверждение своим словам у заплаканной девочки, но Дианка показала ей язык, спрыгнула с табуретки и убежала в одну из комнат.

– Вер, у тебя крыша поехала? – холодно осведомилась Надя. – Ты зачем ребёнку психику травмируешь? Она и так в обнимку с Тониным халатом лежит постоянно, а ты...

– Надя, я её видела, вот как тебя сейчас, – обиделась Вера на сестру, хотя прекрасно понимала нелепость собственных слов. – Короче, закройся и никому, кроме меня, дверь не открывай. Я в церковь за святой водой поеду, потому что здесь что-то нечисто.

– Это в голове у тебя нечисто, – огрызнулась Надя. – Дожились. Вася до зелёных чертей допил, а теперь и ты туда же. А ну-ка дыхни.

Она подошла к Вере вплотную, чтобы убедиться, что сестра пьяна, но та только смирила её с ног до головы презрительным взглядом и с оскорблённым видом заявила:

– Да пошла ты! Трезвенница-праведница нашлась. К тебе лицом, а ты... Да чего я вообще с тобой разговариваю?

Вера вернулась в прихожую, подобрала оброненную на пол сумку, открыла дверь и ушла, оставив сестру в раздумьях по поводу только что случившегося. Надя не хотела ссориться. И обижать Веру тоже не хотела, это как-то само собой получилось. Зато после ухода сестры исчезло и раздражённое состояние, в котором Надя очнулась от сна, сморившего её буквально на ходу. Последнее, что она помнила – как выкладывала котлеты на плюющуюся горячим маслом сковородку.

– Дианка, ты котлеты сама дожаривала что ли? – выкрикнула в сторону комнаты, когда обнаружила под крышкой сковороды обжаренные с двух сторон и уже остывшие котлетки.

Диана не ответила.

«Вот Верка сучка, а! Расстроила ребёнка. Лучше бы вообще не приходила», – покачала головой Надя и пошла к племяннице, которая снова свернулась калачиком на маминой кровати в обнимку со старым, пахнущим потом и лекарствами халатом. Присела рядом на краешек постели и погладила Дианку по светлым волосёнкам.

– Тётя Вера тебя обидела, да? Напугала?

– Она плохая, – шмыгнула носом Дианка. – Она меня не любит. Тётя Надя, пусть она больше не приходит. Мама говорила, что в тётю Веру чёрт вселился, и поэтому она убила моего дедушку. И дядю Васю она тоже дураком сделала, когда он маленьким был. Пугала его, пугала... Вот он и стал дураком. Это из-за неё он умер, как мама. Он теперь тоже ангел.

– Это тётя Вера тебе сказала, что дядя Вася умер? – ужаснулась Надя.

Девочка промолчала, только ещё сильнее скрутилась в калачик. «Ну а кто ещё мог сказать? Только Верка», – сердито поджала губы Надя и решила, что больше сестру на порог не пустит. А если потребуется, то добьётся через суд, чтобы Вере вообще запретили приближаться к Дианке. Им и вдвоём неплохо живётся, без всяких родственников. Лишь бы только опеку разрешили, а дальше всё будет хорошо.

Глава 4

– Галь, я уже давно хотел попросить у тебя прощения...

– Ой, Тараскин, не начинай даже, – отмахнулась Галина от бывшего коллеги, жестом подозвала официанта и заказала себе кофе.

В свои почти пятьдесят она всё ещё оставалась привлекательной женщиной, и Глеб Петрович не мог не отметить идеальные формы, которых его законная супруга Светлана окончательно и бесповоротно лишилась после рождения третьего ребёнка. В густых каштановых волосах Галины не было даже намёка на седину, а большие зелёные глаза искрились таким детским любопытством, что казалось, будто эта яркая красотка и четверти века ещё не прожила, не говоря уж о половине столетия. Увы, тонкие лучики морщинок всё же выдавали её возраст, да и в голосе появилась характерная для заядлого курильщика хрипотца, хотя та Галя Задорожная, которую помнил Глеб Петрович, активно ратовала за здоровый образ жизни.

«Да уж, не скажешь, что увольнение из органов пошло ей на пользу», – подумал Тараскин, перехватил насмешливый взгляд собеседницы и смущённо переключил своё внимание на бифштекс.

– Я полтора часа пересчитывала подвеской ямы на вашей наглухо убитой дороге только ради того, чтобы посмотреть, как ты ешь? – Галя нетерпеливо побарабанила аккуратными ноготками по выдавшей виды столешнице. – Глеб, не томи. Что у тебя стряслось?

Тараскин старательно прожевал мясо, проглотил его, запил яблочным соком, после чего густо покраснел и поднял на собеседницу несчастный взгляд.

– Галь, ты веришь в существование массового гипноза?

– О как! – Галина откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди. – А ты не мог озвучить этот вопрос одновременно с просьбой приехать, а? Я тогда хотя бы последний день отпуска спокойно провалялась в постельке, а не тащилась чёрт знает куда, чтобы убедиться, что тебе пора на пенсию. Сволочь ты, Тараскин, причём редкостная.

– Я серьёзно, Галь, – ещё сильнее покраснел Глеб Петрович, который и без этих упрёков чувствовал себя крайне неловко. – В понедельник в полиции зафиксировали вызов в школу по поводу похищения первоклассницы, после чего у всех, кто имел хоть какое-то отношение к этому, начисто отшибло память о второй половине дня. Ни одного документа нет, хотя ребята туда выезжали. Вроде бы этим делом занялся один из моих, Лёня Гридин, но ночью у него на ровном месте случился сердечный приступ. Гридина нет, дела нет... Ничего нет, понимаешь? Умер он в своей машине возле дома тётки этой якобы пропавшей девочки. Тётка не помнит, чтобы Гридин к ним заходил, а её алкаш-муж помнит, но смутно. И той же ночью дядя этой девочки нажрался и из окна вывалился с шестого этажа. Тоже труп. А в пятницу перед этим у неё мать умерла от онкологии. Гридин зачем-то запросил в архиве дело о самоубийстве папаши этой Дианы...

– Так девочка в итоге пропала или нет? – вопросительно приподняла бровь Галина.

– Ну, другая тётка, которая сейчас опекой занимается, и в школе... В общем, как бы нет.

– Как бы или точно нет? Девочка сейчас где?

– С тёткой. В школе тоже у всех, включая охранника, провалы в памяти. И у тёток у всех троих.

– Большая семья у сиротки, – заметила Галя. – А дело ты как потерять умудрился? Не возил же его твой Гридин с собой по городу, правильно?

– Дело было в сейфе, но Гридин его оттуда забрал и все файлы в компьютере удалил, причём сделал он это уже после своей смерти, если верить заключению эксперта.

– Это как? – на лоб Галины взметнулась и вторая бровь.

– Вот и я хотел бы понять, как, – Тараскин промокнул вспотевший лоб бумажной салфеткой. – По камерам получается, что Лёня пришёл в отдел в начале третьего ночи, а в заключении написано, что он умер двумя часами раньше. И документов при нём не было. Паспорт только, права водительские и удостоверение. Понимаешь, в каком положении я оказался? Пришёл во вторник с утра на работу с больной головой, с меня из области требуют отчитаться о том, как продвигаются поиски пропавшей Дианы Сивковой, а я даже не помню, кто это такая. И никто не помнит. А она вроде как и не пропадала никуда. И Гридин – труп.

– Хм... – Галина задумчиво нахмурилась. – Интересно.

– Да уж куда интереснее-то? Я потому тебе и позвонил, что ты такие вот задачки любишь. Мне-то копать в этом не с руки, в область добрые подчинённые и так уже настучали, что бардак в отделе...

– А гипноз-то массовый тут каким боком? – усмехнулась Галина, отметив, что Тараскина больше интересует не сама проблема, а нежелательное внимание к ней вышестоящего руководства из областного управления.

– Да это Амелин ляпнул про гипноз, вот я и подумал...

– А кто у нас Амелин?

– Высочка без тормозов, – недовольно поморщился Тараскин. – Молодой, наглый... Галь, я тебе по гроб жизни буду благодарен, если ты в этом разберёшься. Ну не могло у нескольких десятков человек вот так избирательно память отбить, понимаешь? Нечисто что-то с этой Дианой Сивковой и её семейкой. У меня два трупа, как-то между собой связанных, но оба не криминальные, а я нутром чувую, что неспроста это всё. Займёшься, а?

– Глеб, у меня завтра рабочий день вообще-то, – напомнила Галина бывшему коллеге. – А вечером лекция. Чего ты на меня так уставился?

– Не знал, что ты ещё и преподаёшь, – признался Тараскин.

– Ну кто-то же должен этим заниматься. В общем так... Если тебе нужно услышать моё мнение, то я считаю, что ты просто параноик и лентяй, которому проще свалить всё с больной головы на здоровую, чтобы прикрыть свой зад от неприятностей. Ты допустил хаос в работе, где контролируется и документируется каждый пук, а теперь ищешь крайнего, который наведёт за тебя порядок. Извини, дорогой, но я этим заниматься не буду, у меня своих дел хватает. Кстати, судя по тому, как ты излагаешь факты, лично твой мозг не напрягся ни на минуту, чтобы хоть как-то систематизировать имеющуюся в наличии информацию. Если ты наивно полагал, что я буду думать за тебя, то ошибся.

Лицо полковника Тараскина, буквально минуту назад вернувшееся к своему нормальному цвету, снова пошло пунцовыми пятнами. Он-то уж было решил, что Задорожная заинтересовалась предложенным ребусом, а она... К такой отповеди Глеб Петрович точно был не готов.

– Только не думай, пожалуйста, что я отказываюсь из-за личной к тебе неприязни, – уловила смену его настроения Галина. – В твоих умозаключениях просто нет никакой логики, понимаешь? Девочка не пропала, вызов в школу был ложным, поэтому и документов никаких нет. И дела никакого не было, и файлов в компьютере. Гридин ночью приехал в отдел по какой-то другой надобности, а потом за рулём ему стало плохо, поэтому он остановил машину и постучался в первую попавшуюся дверь, чтобы водички попросить. Время его смерти установлено ошибочно. Всё остальное – совпадения, Глебушка. Их много, да, и выглядят они странно, но такое случается. А из областного управления тебя клюют, потому что ты всех достал. Кто-то из твоих подчинённых тебя подставил, слив начальству ничем не подтверждённую информацию о пропаже ребёнка и твоём бездействии. Вот и всё, дорогой. Никакого гипноза, никакой мистики. Удивляюсь, как ты вообще столько лет продержался на этой должности да ещё и звание полковника получил.

– А почему тогда никто ничего не помнит, если всё так просто? – скрипнул зубами Тараскин.

– Да потому, что помнить нечего, – усмехнулась Галина. – Как можно помнить то, чего не было? Если у тебя всё, то я поеду. Мне ещё к матери нужно успеть заехать, а по вашим дорогам тащиться – хуже не бывает. Заплатишь за мой кофе?

– Да, конечно, – недовольно скривился Тараскин, провожая взглядом стройную фигурку бывшей коллеги, даже не соизволившей попрощаться.

Не на такой результат он рассчитывал. Думал, что Галина с её цепким умом хотя бы подскажет, с какой стороны к этой каше из разрозненных фактов подступиться, а теперь получалось, что придётся самому всё расхлёбывать. Он просидел в кафе ещё минут десять, после чего пришёл к выводу, что аппетит пропал окончательно. Расплатился за недоеденный обед и Галин кофе, поймал на улице такси и поехал обратно на работу, потому что обеденный перерыв не резиновый.

* * *

– Всё сделал, как я сказал?

– Да, но мне весь этот цирк не нравится, – Артём Алёшин уселся в мягкое кресло возле журнального столика в офисе отца и закинул ногу на ногу. – Если не объяснишь, зачем нужен этот дебильный дилетантский спектакль, я больше участвовать в нём не буду.

Кирилл Андреевич отложил в сторону документы, которые изучал до прихода сына, сцепил руки на столе в замок и одарил Артёма недобрым взглядом.

– Хорошо, не участвуй. Мне прямо сейчас сообщить в военкомат, что в тебе проснулось непреодолимое желание послужить Отечеству?

– А я не просил меня от армии отмазывать, – криво ухмыльнулся Артём. – Это ты решил, что мне там делать нечего. А теперь ты возомнил себя Богом и решаешь, кто и как должен уметь...

– Заткнись, – предупреждаясь свёл брови Алёшин, не дав сыну закончить фразу, и посмотрел на часы. – У меня встреча через десять минут, вечером дома поговорим.

– Хорошо, поговорим дома, – вздохнул Артём и сунул в рот сигарету. – Только в этот раз откровенно поговорим, бать. И армией меня больше не пугай, ладно? Мне пофигу, я и Отечеству послужить могу. Что там тупое подчинение чужим приказам, что здесь – разницы никакой. Денег дай на такси.

Кирилл Андреевич молча вынул из внутреннего кармана пиджака бумажник, отсчитал несколько купюр и бросил их на противоположный край стола.

– Спасибо, мой господин, – Артём отвесил насмешливый поклон и ушёл, оставив отца в глубокой задумчивости.

Алёшину поведение сына не нравилось категорически. С каждым днём мальчишка всё больше выходил из-под контроля, хотя пока не пытался проявлять открытое неповиновение. Родительский авторитет и деньги – слабый козырь, когда пытаешься управлять человеком с неординарными способностями, а возможности Артёма и вовсе выходили за грань реальности, и парень это прекрасно понимал.

Бросив ещё один короткий взгляд на часы, Алёшин недовольно поморщился – деньги сами себя не заработают, поэтому нужно всё-таки встретиться с клиентом. Будь до назначенной встречи хотя бы полчаса, он без раздумий перенёс бы её на другое время, чтобы съездить к Александре за советом, но, увы... Судя по доносящемуся из коридора звуку шагов, клиент уже пришёл, поэтому известному своим профессионализмом адвокату пришлось работать, а не решать личные проблемы.

* * *

«Похороны завтра в 12:00». Надя удалила сообщение, чтобы его ненароком не увидела Дианка, и с грустью подумала о том, что из пяти детей Былиных за несколько дней осталось всего трое. Тоню похоронили в субботу, а Васю хоронят в четверг – даже недели не прошло. Впереди два девятых дня подряд, а потом два сороковых. Тяжело. Пусть она и не питала к брату родственных чувств, но всё равно его жалко. Сколько ему было? Тридцать пять? А Тоне вообще тридцать. Так не должно быть. Плохие или хорошие, чужие или родные – люди не должны умирать такими молодыми.

Уроки у первых классов закончились полчаса назад, но Дианка и ещё несколько учеников задержались клеить какие-то открытки, и Надя терпеливо ждала племянницу у окна в коридоре. Она так погрузилась в свои невесёлые мысли, что не заметила подошедшую учительницу, и вздрогнула, когда та легко коснулась её руки.

– Здравствуйте. Вы тётя Дианы Сивковой?

– Да, – нахмурилась Надя. – А что?

– Ничего, просто хотела выразить вам свои соболезнования, – сочувственно улыбнулась женщина. – Вы зайдите к директору, пожалуйста. Мы там немного денег собрали...

– Зачем? Мы не нищие, в благотворительности не нуждаемся.

– Ну всё-таки двое похорон подряд, а это всё сейчас стоит недёшево...

Надя нахмурилась ещё сильнее. Она никому не говорила о смерти брата, и Дианка рассказать в школе не могла, потому что об этом ничего не знала.

– Откуда вы знаете про вторые похороны?

– Так медсестра наша, Настя Седых, с вашей сестрой дружила. Она и на похоронах Антонины Дмитриевны была. Вы разве не знали? – удивилась учительница.

Надя не знала. После смерти родителей её забрали в реабилитационный центр, а Тоня долго лежала в больнице, приходя в себя после папочкиных побоев. А потом Тоня замкнулась в себе, и следующие два года в детском доме сёстры практически не общались. По достижении совершеннолетия Тоня вернулась в родительский дом, где долго воевала с озлобившейся Тасей за квадратные метры, а к младшей сестрёнке интерес у неё так и не проснулся. Позже Надя по собственной инициативе несколько раз приезжала к Тоне в гости, хотя та особой радости от этих встреч не испытывала. Ничего о себе не рассказывала и вообще больше слушала, чем говорила.

– Я гостей на похоронах особо не разглядывала, мне не до этого было, – сухо сообщила Надя педагогу, не желая признаваться, насколько плохо она знала свою старшую сестру.

– Понимаю, – кивнула учительница. – Настя просто живёт в том же районе, где ваш покойный брат жил, Царствие ему небесное. Город-то у нас небольшой, все про всех всё знают...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.